

ОБЪЯСНЕНИЕ ТРАЕКТОРИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ: СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД

Тимур Куран,

Journal of Economic Behavior & Organization 71 (2009) 72–605

Department of Economics,

Duke University,

213 Social Sciences Building,

Box 90097, Durham,

NC 27708, USA

Аннотация

Цивилизация представляет собой устойчивую социальную систему взаимодополняющих характерных черт. Некоторые из таких взаимодополнений соединяют элементы «материальной» стороны жизни и неотъемлемые части «культуры» отдельной цивилизации. Таким образом, определение механизмов, задающих траекторию развития цивилизации, предполагает существование причинно-следственных связей, которые противоречат часто постулируемому принципу деления культуры на духовную и материальную. Взаимодополняемость препятствует фрагментарной трансформации институтов сквозь цивилизации. Реформы, направленные на экономический рост, будут безуспешны, если они не будут комплексными. Цивилизационный анализ может выиграть, если комплементарности институтов, включая духовные и материальные факторы, будет уделено больше внимания.

Ключевые слова: цивилизация, культура, экономическое развитие, институт, комплементарность институтов.

JEL-коды: N00, P50, O10.

1. Цивилизации и траектории их экономического развития

По крайней мере с тех пор как своей статьей «Столкновение цивилизаций?» (1993) Хантингтон разжег политические чувства граждан, понятие цивилизации ассоциируется с продолжительными конфликтами и несовместимыми жизненными укладами⁶⁷. Такие отрицательные ассоциации приводят к отказу исследователей от употребления данного термина во избежание риска быть неверно понятыми. Это имеет отрицательные последствия, потому что какой бы политический подтекст ни имело понятие цивилизации, оно охватывает группу характеристик, которые альтернативные понятия не в состоянии передать. В любом случае многочисленные термины, которые вызывают отрицательные ассоциации, пользуются популярностью в интеллектуальных беседах. Понятия политического конфликта, экономической блокады и культурной инерции являются тому примерами. Несмотря на подразумеваемые ассоциации, интеллектуалы регулярно обращаются к темам политики, экономики и культуры.

Одно из аналитических преимуществ термина «цивилизация» заключается в том, что он передает общие, универсальные черты, которые выходят за пределы политических и даже географических границ. Хотя цивилизация обычно имеет свой первоначальный регион распространения, ее охват может быть глобальным. Город Брэдфорд (Великобритания), где проживает большое число пакистанцев, является частью современной исламской цивилизации. Аналогично китайские кварталы американских городов являются неотъемлемой частью китайской цивилизации.

Цивилизация отражает больше, чем «культура», которая приходит на ум в роли альтернативного цивилизации понятия. Мы можем говорить о политической культуре Индии, коммерческой культуре Калькутты и музыкальной культуре Южной Азии. Понятие индийской цивилизации охватывает все вышеперечисленное, как и механизмы, объясняющие природу взаимодействия данных культур. Являясь более общим элементом анализа, цивилизация объединяет социальные характеристики и модели, изучаемые другими дисциплинами, включая те, которые культурологи, как правило, не относят к сфере их деятельности.

В конечном счете цивилизация объединяет ряд наиболее устойчивых общественных характеристик, которые придают значительной части населения свою самобытность. Долговечность отличительных особенностей цивилизации определяется их взаимодополняемостью. Одновременно эволюционировав на протяжении длительного периода времени, данные характеристики оказываются взаимозависимыми и подкрепляют друг друга. По существу, они

⁶⁷ Основная идея статьи заключается в том, что классификации стран, основанные на различиях в идеологиях и политической силе, уступают место цивилизационному подходу. Хантингтон (1996) более подробно раскрывает данное утверждение.

имеют смысл лишь как единое целое и кажутся естественными людям, которые родились и выросли в этих условиях. В условиях честности и социального доверия люди с готовностью осуществляют сделки с незнакомцами. Доверие оправдывает себя, сделка соответствует ожиданиям, и люди продолжают доверять друг другу. Таким образом, социальное доверие и неперсонифицированный обмен являются поддерживающими друг друга факторами.

Одна из неразрешенных исторических загадок общественных наук – рост Западной Европы как центра экономического развития и сопутствующее этому относительное ослабление других цивилизаций, включая исламский мир, Индию и Китай. Эта статья доказывает, что объяснение отклонений в траекториях экономического развития мировых цивилизаций требует системного подхода, акцентирующего внимание на социальных механизмах, уравнивающих разнонаправленные общественные отношения. Факторы, влияющие на такого рода социальные механизмы, могут иметь прямое отношение к материальной жизни; они являются предметом экономических исследований. Факторы влияния также включают в себя характеристики, которые обычно не относятся к экономическим процессам или рассматриваются как последствия изменений материальной сферы жизни.

Тогда в системном подходе нет места для концепции базиса–надстройки, которой в явной форме придерживаются «материалисты» марксистской традиции и в неявной – многие другие направления. Системный метод также стоит в стороне от «культурологических» подходов, которые рассматривают экономические результаты как побочные эффекты специфических сторон жизни, исключенных из дискуссий об экономическом развитии, таких как менталитет, идеология и религия. Я докажу, что материалистический и культурологический подходы к долгосрочному экономическому развитию способствуют совершению так называемой «ошибки абсолютного приоритета». Эта ошибка влечет за собой неверное восприятие процесса развития цивилизации: одни факторы воздействуют на другие, но сами не попадают под воздействие происходящих изменений (Фишер, 1971, с. 178). Хотя исследования строгих материалистов и культурологов дают ценные результаты, их стоит рассматривать как компоненты более полного анализа, который допускает существование круговой взаимосвязи между материальной и духовной сферами жизни.

Исследования социологов уже давно продемонстрировали, что основные трансформации социальной жизни могут являться непредвиденными последствиями политических и экономических решений, принятых по причинам, никак не связанным между собой⁶⁸. Предло-

⁶⁸ Исследования Смита (1776/1937) общественной пользы от личной жажды прибыли, а также работы Вебера (1904–1905/1958a) на тему экономического влияния, оказываемого протестантской этикой, являются одними из наиболее значимых достижений классической экономической теории. Среди более поздних работ см.: Мертон (1936) и Лал (1998). Последний описывает вторичные последствия, которые внесли вклад в формирование главных тенденций в мировой истории.

женный здесь системный анализ объединяет в себе ожидаемые и непредвиденные результаты принимаемых решений, так как его элементы подразумевают скорее многосторонние, чем однонаправленные отношения между явлениями материальной и духовной сфер. Различия между статической и динамической эффективностью также органично вписываются в рамки системного анализа развития цивилизаций. В ходе решения поставленных задач институт может ослабить стимулы для развития некоторых компонентов социальной системы общества. Как мы увидим далее, множество исторических исследований игнорируют непредвиденные последствия той или иной политики, ограничивая анализ ее эффективности немедленными, прямыми и очевидными результатами. «Ошибка игнорирования вторичных последствий» (Хэзлитт, 1946, с. 3–4) ограничивает исследователей в ходе объяснения существенных изменений состояния экономики⁶⁹. Такие изменения, как развитие Западной Европы и сопутствующее этому относительное ослабление других цивилизаций, требуют особого внимания к непредвиденным взаимодействиям между факторами социально-экономического развития.

Как мы увидим далее, процесс реформирования цивилизации охватывает одновременно целую группу социальных факторов, однако имеет значение порядок проведения реформ. Выполнение поставленной задачи осложняется риском непредвиденных, неучтенных препятствий, в итоге результаты могут так и не быть достигнутыми, а нежелательные последствия – укорениться надолго⁷⁰. Реформы прошлой четверти тысячелетия, направленные на преодоление экономической отсталости, затронули огромное число факторов: организационные формы, судебные процедуры, образование, методы управления, бухгалтерский учет, менталитет, отношение к иностранцам, межличностные отношения и многое другое. Наша первостепенная задача заключается в том, чтобы создать методологическое руководство по исследованию причин успехов и провалов реформ в конкретных условиях, странах и периодах.

В качестве вступления к раскрытию вышеперечисленных пунктов моего исследования я опишу и приведу критический анализ двух работ, которые хотя и являются во многом впечатляющими и признанными, все же содержат в себе две указанные выше ошибки. Первая из этих работ иллюстрирует строго материалистический подход к изучению экономического развития цивилизации. Вторая – пример умеренного материализма: хотя культура может иметь значение в реальной жизни, ее экономические эффекты менее значительны, чем предполагают аналитики. Эти краткие рецензии будут сопровождаться подробным сопоставлением культурологического и материалистического подходов с целью показать, почему комплексный под-

⁶⁹ Хайек (1973–1979, особенно гл. 3, 9, 11, 18) на примере последствий политических решений описывает проявление ошибки игнорирования вторичных последствий.

⁷⁰ Хиршман (1991) показывает, что разного рода консерваторы, аргументируя фактором непредвиденного риска, препятствуют социальным преобразованиям. Их риторика, конечно, согласуется с наличием этого фактора.

ход, находящийся между двух крайностей, обладает большей объяснительной силой в отношении развития цивилизаций. Остальная часть статьи будет построена на цивилизационном анализе, включая определение механизмов, лежащих в основе наблюдаемых тенденций социально-экономического развития. Попутно я свяжу системный подход, в защиту которого я выступаю, с методологическими работами, которые выдвигают подобные или смежные подходы к изучению экономического развития цивилизаций.

2. Применение и злоупотребление линейным анализом

В качестве примера строгого материалистического, а следовательно, грубого линейного анализа экономического развития цивилизаций рассмотрим работу «Ислам и капитализм» Максима Родинсона, который считает, что экономическое благосостояние мусульман в рамках мировой экономики не имеет ничего общего с исламом как таковым. Он утверждает, что ислам с самого начала своего становления был предрасположен к политике свободного обмена. Еще более спорно автор полагает, что учение ислама оказало незначительное влияние на развитие экономики мусульманского мира.

Как в любой мировой религии, в исламе присутствует большое число принципов, заповедей и прецедентов, которые позволяют любому человеку с воображением выбрать свою роль и модель экономического поведения. На Ближнем Востоке не удалось создать институты, способствующие развитию современного капитализма по причине, которая должна иметь нерелигиозный характер, как полагает Родинсон, исходя из разнообразия исламских традиций (Родинсон, 1966/1972). Необходимо обратиться к факторам, непосредственно влияющим на распределение ресурсов и власти, на стимулы для совершения коллективных действий. Он говорит, что ислам выступал в качестве завесы политических и экономических интересов. Это помогло узаконить систему привилегий и неравенства, избегая крайних мер и их укоренения. Эта интерпретация является явно материалистической. Действительно, Родинсон сознательно придерживается марксистской системы базиса–надстройки.

В доказательство своих положений Родинсон рассматривает несколько экономических моделей, среди которых есть и примеры финансовой практики. Он обращает внимание на то, что исламский закон в строгой трактовке требует, чтобы каждый кредит был беспроцентным. Хотя этот запрет на получение процента подтверждается Кораном, то, что по Корану однозначно запрещено, так это – *риба*, древняя арабская практика, по которой долг должника реструктуризовали. Обычно приводя к рабству заемщика, *риба* была поводом для раздоров (Рахман, 1964; Куран, 2005, стр. 595–596). Тем не менее распространилось представление о том, что Коран запрещает получение процентов в любом виде.

Однако запрет получения процентов никогда не удерживал мусульман от кредитования и заимствования под проценты. Родинсон подтверждает, что на начальном этапе становления ислама кредитование под проценты распространялось казуистическим способом, схожим с теми методами, которые использовались в средневековой Европе для уклонения от христианских законов о ростовщичестве⁷¹. Этот факт позволил автору сделать вывод о том, что ислам стал преградой на пути экономического развития мусульманского мира. И хотя его правовые хитрости усложнили финансовые операции, ислам не смог воспрепятствовать получению прибыли капиталистами и заимствованию средств населением.

Работа Родинсона ставит под сомнение вывод культурологов о полном соответствии финансовых операций мусульман положениям учения ислама⁷². Автор делает важное заключение: даже общепризнанные религиозные устои могут отойти на второй план, если они препятствуют получению экономической выгоды. Но доказывает ли это несущественность запрета на получение процентов для экономического развития? По сути дела, такой запрет имеет побочные эффекты, которые могут оказаться значительнее его непосредственного, прямого влияния.

В исламских регионах с действующим запретом на получение процентов экономическое развитие отличалось от тех стран, где финансовые отношения были более свободными. К середине второго тысячелетия Западная Европа приняла узкую трактовку библейского запрета на ростовщичество. Среди мусульман наиболее распространенным оставалось мнение о греховности любой формы процента. Если явное влияние такого расхождения взглядов было незначительным, то вторичных последствий было множество, что и проявилось в совершенно разных экономических показателях данных регионов.

Рассмотрим практику бухгалтерского учета. В регионах Италии, специализирующихся на торговле, а также в других регионах Европы свободное кредитование под проценты способствовало прозрачности финансовых операций; в свою очередь, прозрачная система отчетности стимулировала развитие все более и более сложных методов бухгалтерского учета. Та-

⁷¹ Например, заемщик покупает у кредитора товар по завышенной цене с надбавкой «за обслуживание»; по взаимному соглашению оплата за товар отсрочена. Более поздние исследования также свидетельствуют о существовании финансовых контрактов со скрытым получением процентов, инциденты которых рассматривались в исламских судах. Имеются следующие примеры судебных дел: судебный реестр г. Стамбула № 9, дело 197b/3 (1662); судебный реестр г. Стамбула № 22, дела 94b/1, 109b/2 (1695); судебный реестр Галаты (микрорайон Стамбула) № 145, дело 116b/1 (1690). Кроме того, свидетельства уклонений от запрета на получение процента — см. Кхан (1929) и Куран (2005).

⁷² Начиная с момента выхода «Ислама и капитализма» это отождествление было часто используемым в рассуждениях об исламе. Сидикки (1973) предполагает, что ранние мусульмане вообще избегали получения процентов по ссуде, автор приводит соответствующие примеры. Хотя ученые, не специализирующиеся на исламе, проводили границу между теорией и практикой, выводы Родинсона вызвали интерес и споры. Известные журналисты, поверхностно знающие учение ислама, были потрясены, услышав, что на протяжении истории ислама большинство мусульман свободно имели дело с ростовщичеством.

ким образом, именно на Западе распространялась двойная бухгалтерия⁷³. Облегчая коммуникацию и координацию среди инвесторов, менеджеров и финансистов, новая практика коллективных действий привела к формированию современной модели фирмы. Тем временем на Ближнем Востоке искусственно поддерживаемая непрозрачность финансовых операций препятствовала составлению договоров и развитию единых правил бухгалтерского учета. Сохранение культуры устных контрактов и отсутствие стандартизации в бухгалтерском учете давали возможность существовать небольшим и недолговечным предприятиям.

Ни в коем случае не стоит утверждать, что запрет на получение дохода в форме процента стал единственной причиной отставания в модернизации организационных форм деятельности мусульманского мира⁷⁴. Тем не менее нежелание сузить сферу влияния «запрета на проценты» имело последствия в организационных формах, которые стали более значимыми для развития экономических показателей стран, когда технологический прогресс позволил извлекать выгоду из объединения значительного объема капитала в рамках одной организации. На Ближнем Востоке первые банки были основаны европейцами, причина тому — отказ исламского региона самостоятельно создать прозрачную финансовую систему в рамках мусульманского права, местной правовой системы. Следовательно, религия была определяющим фактором, задающим траекторию экономического развития региона. Хотя экономические стимулы научили поколения мусульман обходить исламские ограничения на финансовые операции, экономическое развитие региона исказилось.

Как любая теория, которая рассматривает социальную систему общества как две иерархические категории, главенствующий базис и зависимую от него надстройку, работа Родинсона страдает от заблуждения: каждый причинно-следственный ряд имеет свою материальную первооснову. Это заблуждение, конечно, является ошибкой абсолютного приоритета. Сосредоточившись на том, каким образом экономические стимулы превосходят религиозные правила и формируют практику, неподвластную закону религии, «Ислам и капитализм» игнорирует обратное воздействие религии и религиозного закона на экономические стимулы.

Ограниченность «Ислама и капитализма» коренится в придании первостепенного значения ожидаемым последствиям любых преобразований. Родинсон не берется судить, достиг ли запрет на проценты поставленной цели. Обнаружив, что запрет часто обходили, автор делает вывод о том, что запрет не мог повлиять на экономическое развитие. Пренебрегая появлением и развитием правовых уловок, он таким образом также совершает ошибку игнорирования вторичных последствий.

⁷³ Хотя двойная бухгалтерия формировалась и в других регионах, именно в Италии впервые в пятнадцатом столетии этот метод нашел благодатную почву.

⁷⁴ См.: Куран (2001, 2003) – дополнительные факторы.

В итоге благодаря строгой материалистической интерпретации институциональной экономической истории Родинсон не смог ухватить суть эволюции институтов, которая привела к экономической отсталости региона, так как данный подход не учитывает взаимного влияния культурной и материальной сфер жизни и укоренившихся в культуре ограничений. Несмотря на перечисленные недостатки, это полезная работа. С одной стороны, демонстрируя неэффективность запрета на проценты, она исключает один из возможных вариантов экономической отсталости мусульманского мира⁷⁵. Такой отрицательный результат должен побудить исследователей искать иные причины запаздывания в экономическом развитии Ближнего Востока. С другой стороны, зафиксировав методы, которые использовали мусульмане, уклоняясь от запрета на проценты, Родинсон дает представление о социальных механизмах, породивших экономическую отсталость Ближнего Востока.

3. Причины трудностей в достижении успеха

Ошибочная постановка вопроса вредит познанию, нацеленному на изучение процесса внутреннего развития экономики Ближнего Востока, игнорируя значение религии. Многие исследования примеров выдающихся экономических успехов не уделяют должного внимания эволюционному процессу их достижения. Поэтому, хотя и непреднамеренно, эти работы ведут к неправильному толкованию более общих исторических закономерностей, препятствуя продуктивному анализу последующих событий.

Данное утверждение может быть проиллюстрировано на примере тщательно изучаемой, во многом поучительной биографии Исмаила Абу Такийя (Ismail Abu Taqiyya), египетского торговца, расцвет деятельности которого пришелся на 1580–1625 гг. В те времена шло распространение кофе как напитка, и быстро рос спрос на сахар-рафинад. Демонстрируя свои предпринимательские способности, Абу Такийя стал основным поставщиком кофе в Египет и сахара в большинство стран восточного Средиземноморья. Ханна (1998, с. 59) пишет о том, как исламская правовая система позволила Абу Такийя использовать коммерческие возможности. Описывая его яркую карьеру, она утверждает, что существовавшая правовая система не могла помешать купцу успешно развивать свой бизнес. Фактически Ханна подтверждает, что за свою карьеру Абу Такийя организовал тысячи товариществ в соответствии с мусульманским правом. Таким образом, она установила, что в начале семнадцатого столетия ближневосточный предприниматель мог преуспеть без содействия зарубежных институтов, просто используя институты своей страны.

⁷⁵ Если бы население Ближнего Востока соблюдало запрет на проценты, то финансовые рынки этого региона оставались бы примитивными даже по средневековым стандартам. Следовательно, запрет относится к непосредственным причинам слабой экономической активности.

Эти выводы остаются под вопросом. Делая из успешности Абу Такийя заключение об эффективной поддержке институтами ислама деловой активности, Ханна создает впечатление, что институты ислама не могли способствовать последующему спаду в экономическом развитии Ближнего Востока. В действительности же, в то время, когда Абу Такийя наживал свое состояние, уже появились признаки надвигающейся экономической отсталости Египта. Организационные возможности, открытые для египетских торговцев семнадцатого столетия, не могли быть сложнее временного партнерства. Абу Такийя и множество его партнеров не имели возможности объединять ресурсы в рамках акционерных обществ, подобных Левантийской компании, уже распространенных в восточном Средиземноморье. В отличие от западных современников египетский торговец не мог назначить своего единственного ребенка наследником семейного дела.

В те времена различия в размере и долговечности компаний не были решающим фактором в экономике Ближнего Востока. Однако в конечном счете они позволили Западу стать доминирующим звеном мировой экономики. Запад разработал организационные средства для использования новых технологий массового производства. Другие цивилизации оказались организационно отстающими и начиная с XIX в. стали играть роль организационных имитаторов, чтобы улучшить свои экономические показатели.

Так же как Родинсон опровергнул тот факт, что ислам препятствовал получению прибыли в форме процента, Ханна дискредитирует высказывания культурологов о том, что ислам препятствует торговле, принятию риска, а также формирует фаталистическое отношение к бизнесу. Не отрицая, что мусульманское право могло иметь значение для экономического развития, Ханна считает, что в рассматриваемый ею период это влияние не прослеживается. Она использует мягкий материализм в отличие от Родинсона с его строгим материализмом. Но является ли написанная ею биография подтверждением того, что религия или культура в целом не имеет значения для траектории экономического развития исламской цивилизации?

Хотя Абу Такийя был действительно неустанным предпринимателем, который расширил рынки, взяв на себя осознанный риск, его достижения не допускали развития новых организационных форм. Исламские формы договора, которые позволили ему объединить ресурсы, ограничили возможности его потомков. Следовательно, определенные препятствия экономическому развитию все же существовали. Другой ключ к разгадке более поздних проблем развития исламского мира находится в списке основных источников, которые использовала Ханна. Поскольку Ханна не нашла архив документов, которые имели бы отношение к жизни Абу Такийя, она взяла за основу расшифровки судебных стенограмм, в которых Абу Такийя был истцом или свидетелем. Очевидно, он действовал в рамках устной культуры заключения сделок и избегал сложных долгосрочных контрактов, требующих архивного хранения. Работа

Ханна иллюстрирует слабость региона в развитии бизнес-культуры, способствующей совершенствованию организационных форм, которые являются жизненно важными для процесса индустриализации.

В отличие от Родинсона Ханна не стремится к созданию новой методологии исследования влияния культуры на экономику. Ее цель не состоит в доказательстве значения ислама для экономики или в сопоставлении материалистического и культурологического подходов к экономическому развитию стран Ближнего Востока. Тем не менее она рассматривает архивы Абу Такийя, предполагая, что мусульманское право не препятствовало развитию бизнеса на Ближнем Востоке. Приходя к такому выводу, Ханна отталкивается от вторичных последствий институтов, в рамках которых живет и ведет бизнес Абу Такийя. Ханна упускает проблемы, спрятанные в его коммерческой модели, которую она так изящно описывает.

Эмпирические результаты как Ханна, так и Родинсона приводят к смещению акцентов в исследовании связей между исламом и экономическими показателями. Результаты подтверждают, что исламские институты могли поддержать производство и торговлю на высоком уровне по доиндустриальным стандартам. Они дают ключ к разгадке любому, кто всерьез пытается понять, почему исламский мир стал слаборазвитой экономикой. Они даже дают свои версии того, что пошло не так в экономическом развитии Индии и Китая. Однако эти выводы Ханна относительно экономических возможностей, предоставленных исламом, или, иными словами, культурной сферой жизни, оказываются поверхностными и вводят в заблуждение.

4. Материализм против культурализма

Утверждение о том, что культура в целом, или религия в частности, не играет роли в экономическом развитии, распространено не только в исламских исследованиях. Некоторые ученые утверждают, что страны Южной и Восточной Азии приобрели статус отстающих экономик главным образом, потому что европейцы использовали американское серебро для подчинения себе экономически процветающих регионов (Франк, 1998; Босе, 1991). Другие исследователи видят причину отсталости Китая в географическом положении и природных ресурсах: в странах Европы добыча угля была относительно дешевой, и основные продукты, производимые в Америке, находили меньший спрос в Китае (Померанц, 2000). Такие материалистические убеждения уделяют небольшое внимание, если вообще его уделяют, культурным аспектам цивилизационного развития. Так, многие оттоманисты отвергают возможность связи между закономерностями экономического развития и исламом, многие индологи не

придают значения влиянию вековой кастовой системы, многие синологи пренебрегают теорией идеального чиновника⁷⁶.

Лишь меньшинство материалистов, которые обходят стороной фактор культуры, причисляют себя к марксистам, тем не менее большинство в определенной степени принимает концепцию К. Маркса о базисе и надстройке социальной системы. Марксистский исторический материализм рассматривает «производственные отношения» как двигатель истории. Общественный прогресс проявляется через создание более мощных средств контроля и преобразования природы. Общественные связи, национальная самобытность, идеология, религия, а для некоторых ученых даже законы – вторичные явления, которые соответствуют определенному этапу производственных отношений. Если изменения в производительных силах приводят к изменениям в культуре, то сама культура не оказывает ответного влияния на производственные отношения. Другими словами, причинно-следственные связи идут от базиса к надстройке, но не наоборот⁷⁷.

Даже материалистическая оценка истории может учитывать тот факт, что культурные факторы входят в состав отличительных особенностей каждой цивилизации. Ученые-востоковеды, которые используют материалистический подход, с готовностью включают религию в число факторов, отличающих современный Египет от нынешних Индии или Франции. Они также соглашались с тем, что на Ближнем Востоке ислам служил всеобъемлющим источником равенства и элементом законности. Немногие из них возражают против рассмотрения ислама как основного элемента ближневосточной, или исламской, цивилизации при условии самостоятельности экономической системы, по сути, «материальной» сферы жизни, которая необходима для производства и торговли, а значит, изолирована от «культуры». Таким образом, Родинсон и Ханна указывают не на бесполезность исламского учения для общественной жизни в целом, а лишь на то, что ислам оказывает незначительное влияние на основные экономические тенденции и показатели.

Материалистическая интерпретация экономической истории может идти вразрез с теориями, которые рассматривают культурные особенности как ключевые факторы экономического развития. Существуют работы, акцент в которых ставится на различие религий по степени их влияния на трудовую этику, способствующую экономическому развитию. Другие исследования устанавливают связь между религией и мобильностью рабочей силы. Эпохальные работы Макса Вебера отводят религиозным убеждениям центральную роль в дивергенции

⁷⁶ Голдстоун (2002) объединил данные точки зрения. Критический анализ современных материалистических подходов к мировой истории — см.: Бриант (2006).

⁷⁷ Интерпретация приоритета, который Маркс отдает производственным отношениям, — см.: Элстер (1985, с. 267–272).

экономических систем второго тысячелетия на примере кальвинистской веры в предопределение, исламского фатализма, буддийского эскапизма и индуистской веры в переселение душ (Вебер, 1904–1905/1958a, 1916–1917/1958b, 1956/1978). В том же духе теоретики середины XX в. считали, что все религии, кроме христианства, несовместимы с современным капитализмом. Они писали о пересмотре религиозных трактовок, идеологических изменениях и преобразованиях, якобы необходимых для слаборазвитых обществ, чтобы догнать Запад (Лернер, 1958; Инкелес, 1975; Адельман и Моррис, 1973). В последние годы появились новые популярные работы культурологов, которые доказывают значимость когнитивных и поведенческих факторов для процесса экономического развития⁷⁸. Хотя в рамках научного сообщества они и менее популярны, чем материалистические работы, эти исследования находят отклик у широкой общественности.

Культурологи и материалисты сходятся во мнении, что некоторые компоненты социальной системы развиваются автономно. Они имеют разные точки зрения лишь на то, что, по их представлению, имеет иммунитет к каким-либо изменениям в системе. Оба полярных подхода пренебрегают влиянием обратной связи и непредусмотренными последствиями, которые играют решающую роль в понимании долгосрочного экономического развития.

Повторюсь, эти недостатки полярных подходов как инструментов для объяснения различий в траекториях экономического развития цивилизаций не умаляют полезность исследований, ограниченных однонаправленными отношениями между культурой и экономикой. Рассмотрение однонаправленных отношений может быть особенно полезно при изучении краткосрочных периодов, однако следует избегать чрезмерных обобщений. Чем дольше период времени, тем проблематичнее становится ограничиваться анализом однонаправленных отношений, скрывающих за собой систему обратной связи. В долгосрочном периоде каждая переменная влияет на любую другую, и их взаимоотношения могут не вписываться в модель деления мира на культуру и материальную сферу. Таким образом, в изучении экономического развития цивилизаций на протяжении многих столетий основная аналитическая проблема заключается не в том, чтобы точно определить однонаправленные причинно-следственные связи. Скорее, проблема состоит в определении закономерностей динамического развития системы с учетом всех групп факторов. Несмотря на то, что прямые эффекты могут проявляться быстрее и быть более масштабными, чем обратные, система «базис – надстройка» не имеет никакой практической ценности.

5. Определение успехов и провалов цивилизационного развития

⁷⁸ Ландес (1998), который иногда придает особое значение географии и природным ресурсам, приводит интересный пример. Джонс (2006) проводит критический анализ культурологической интерпретации мировой истории.

Люди, стоящие на горе Святой Екатерины, самой высокой точке Египта, чувствуют, что они находятся на вершине мира. На самом деле гора Эверест выше в три раза. Конечно, иллюзия возникает из-за формы Земли, которая ограничивает видимый горизонт. Заблуждения, описанные выше (независимость ислама и экономического развития, эффективность исламского договорного права), возникают из аналогичных методологических ограничений. Каждое утверждение является слишком общим относительно проводимого анализа. Пренебрежение вторичными последствиями приводит к неверному восприятию: локальный оптимум рассматривается как глобальный, а статическая эффективность приравнивается к динамической.

Причина пренебрежения, просматривающаяся даже в серьезных исследовательских работах, вроде тех, критика которых приведена выше, чаще всего лежит в объектах исторического анализа. Объект исследования для историков – это индивиды, которые были ограничены в своей способности приобретать, хранить, восстанавливать и обрабатывать информацию⁷⁹. Поэтому неизбежно возникали последствия индивидуального выбора, которые не были и не могли быть запланированы. Основываясь на условиях окружающей их среды при принятии решения, индивиды достигали результатов, казавшихся глобальными оптимумами, в то время как фактически это были лишь локальные оптимумы: вершины холмов, окруженные высокими горными хребтами. В течение многих столетий индийцы, китайцы и жители Среднего Востока не осознавали происходящего процесса дивергенции экономических систем. Таким образом, заемщики, кредиторы, торговцы и производители, которые населяют труды Родинсона и Ханна, не знали, что их экономические решения способствовали запаздыванию организационного развития их региона. Ни одна из этих групп не оставила аналитических оценок, моделей и методов, позволяющих современным ученым сделать выводы о причинах возникших трудностей в экономическом развитии.

Но иллюзии субъектов истории не мешают социологам определить возможности и проблемы развития в ходе ретроспективного анализа. Историки, специализирующиеся на исторических статистических данных, зная состав стран-лидеров, могут охарактеризовать спады и подъемы в динамическом развитии. Они могут также сделать прогноз возможных проблем, следующих за принятием решения. Они могут избежать неверных представлений, поэтапно исследуя фундаментальные преобразования, которые привели к современному состоянию экономики. Знание процесса трансформации и его логики помогает историкам понять, отно-

⁷⁹ Концепция «ограниченной рациональности» создана Саймоном (1957). Методологические следствия из нее — см.: Гигерензер и Селтен (ред., 1999). Хайек (1973–1979) исследует, как ограниченная рациональность влияет на социальное развитие.

сятся ли внушительные результаты политики к локальным достижениям или же они касаются глобальной экономической модернизации.

Растет число работ, посвященных основным принципам процесса экономической модернизации⁸⁰. Особое внимание уделяется прогрессу экономических организаций, его благоприятному влиянию на торговлю, производство и потребление. Не будет лишним перечислить основные результаты экономической политики, чтобы продемонстрировать значение организационных форм экономики. Кутер и Шефер (2008) выделяют несколько стадий экономической кооперации в ходе экономического развития. Самая примитивная стадия – «семейная кооперация»: объединение ресурсов, принадлежащих членам семьи и друзьям. Если права собственности определены, то семейная кооперация легко поддерживается на основе доверия в рамках сплоченной общины. Ограниченность этого вида кооперации состоит в том, что бизнес может быть только малым и локальным. Более продвинутой формой – «частная кооперация», которая включает в себя деловые отношения в рамках более крупных сообществ. В дополнение к обеспечению прав собственности третьей стороной этот вид кооперации требует существования договорного права, способствующего развитию финансовых рынков. Примеры учреждений, поддерживающих частную кооперацию, включают суды, которые утвердили исламское договорное право, торговые суды Шампанских ярмарок, Ганзейского союза и межкастовые советы Индии. Большинство доиндустриальных цивилизаций нашли способы привлечения и эффективного использования частных финансовых активов.

Основным ограничением частного финансирования является существенный контроль путей использования капитала заемщиками со стороны собственников. Это не дает возможности специалистам осуществлять управление капиталом⁸¹. В условиях «общественной кооперации», третьей формы сотрудничества, инвесторы отдавали управление капиталом в руки специалистов. Для защиты инвестиций от мошенничества организаторов кооперации требуется больше средств, чем права собственности и договорное право. Это требует законодательства о кооперации и ценных бумагах. Хотя сочетание семейной, частной и общественной коопераций различно для современных стран-лидеров, каждая ведущая экономика имеет институты, которые позволяют привлечь капитал, размер которого не укладывается в рамки семейного или частного бюджета.

Множество институтов призвано решать проблемы кооперации. Если круг основных проблем определен достаточно узко, то соответствующие решения будут оптимальными. Та-

⁸⁰ Некоторые известные труды — см.: Ламорекс (2004), Норт (2005), Грейф (2006) и Хансманн и др. (2006).

⁸¹ Различные формы средневековых товариществ, включая исламскую *мудараб* и латинскую *комменда*, давали активным партнерам некоторую свободу в управлении капиталом по сравнению с пассивными инвесторами. Однако обычно принималось совместное решение об операциях с капиталом. По сравнению с современными инвесторами, пассивные члены средневековых товариществ знали больше об использовании своего капитала и контролировали его более тщательно.

ким образом, правовая система, в рамках которой вел бизнес Абу Такийя, была бы оптимальной, если бы она могла предоставить торговцу возможность использовать иные формы коммерческих организаций, помимо исламских товариществ. Если он или его потомки извлекли бы выгоду из долговечности созданных ими организаций, то эта правовая система выглядела бы глобально субоптимальной. Фактически из-за правил наследования, предназначенных для рассредоточения богатства, торговая империя Абу Такийя, основанная на огромном числе краткосрочных контрактов, растаяла после его смерти за 10 лет. Следовательно, как свидетельствует направление развития мировой экономики, правовая система времен Абу Такийя была какой угодно, но не оптимальной. Это привело к снижению позиции Ближнего Востока в мировой экономике и исламской цивилизации в целом. Это также подготовило почву для институциональных реформ, проводимых, чтобы наверстать упущенное. Статически эффективная для Абу Такийя исламская правовая система оказалась динамически неэффективной.

Если институциональные изменения не влекут за собой значительных затрат, то статически эффективное экономическое решение никоим образом не может вызвать динамическую неэффективность. На самом деле институциональные изменения требуют издержек в зависимости от сценария развития событий. Так, столкнувшись с одной и той же проблемой, два общества могут решать ее по-разному в свете непредвиденных исторических событий, повлиявших на издержки того или иного варианта действий. В конце XVI в., когда Абу Такийя укреплял свою репутацию, масштабные компании с десятками, если не сотнями, акционеров стали источниками развития мировой торговли. Первые зарубежные компании, где купцы имели большой опыт формирования эффективной и долговечной организации для реализации общих интересов, появились на Западе⁸². Египетские торговцы в то время не имели ни формальных организаций, ни даже гильдий. Они были еще плохо подготовлены к формированию крупных и прочных мировых торговых компаний.

Мог ли Абу Такийя предугадать, что устойчивые организации, которые мы теперь называем фирмами, будут играть все большую роль в торговле между странами Средиземноморья? На этот вопрос мы не можем ответить. Если бы он это осознавал и хотел сам организовать устойчивую компанию, ему бы пришлось намного сложнее, чем английским купцам, которые создали Левантийскую компанию. Ему бы пришлось произвести огромный институциональный переворот.

По большому счету цивилизации, отставшие в организационной модернизации, отстают и в экономическом развитии. За исключением Восточной Азии, страны, которые последними модернизировали организационную систему, остались позади тех регионов, которые

⁸² Власти поддерживали эти организации в надежде получить часть их доходов через налогообложение. См.: Вуд (1935), Гелдерблом и Джонкер (2005), а также Харрис (2005).

первыми приняли нововведения. Более того, этим странам пришлось вводить изменения путем подражания и под принуждением.

6. Системный подход к цивилизационному анализу

Суть изложенных выше рассуждений заключается в том, что исторические труды пестрят новыми фактами, а свежие идеи часто способствуют возникновению интерпретаций, которые упускают из вида значимые социальные процессы. Эффект обратной связи и вторичные последствия опускаются или отменяются как тривиальные из-за неприязни к стиранию междисциплинарных границ, идеологической приверженности определенному течению или отсутствия строгих методологических ограничений. Примером служат исследования, результаты которых можно использовать лишь для конкретного периода, сектора или реформы. Кроме того, границы между локальной и глобальной оптимальностью, а также между статической и динамической эффективностью размыты, что приводит к их преувеличенным оценкам. Подобные ошибки вводят в заблуждение тех, чьи исследования строятся на анализе эмпирических данных экономического развития цивилизаций. Путаница и необоснованные умозаключения толкают ученых на бесперспективные пути исследования.

В идеальном мире не будет установлено никакой причинно-следственной связи в исторических закономерностях, до тех пор пока не будут учтены все возможные взаимосвязи между всеми значимыми факторами. Однако на практике даже масштабные социальные исследования, включающие в себя множество причин трансформационных процессов, обязательно содержат ряд упрощений. Именно потому, что субъекты не обращают внимания на множество побочных эффектов своих действий, любое подобное исследование историков является в той или иной мере ограниченным. Один исследователь не может учесть все факторы, которые могли бы иметь значение. К примеру, исследование траектории экономического развития Китая во втором тысячелетии может быть ограничено временем жизни исследователя. Какой бы масштаб ни имел исследовательский проект, он обязательно исключает некоторые эмпирически важные факторы. Однако значение обратных связей между факторами развития все же учитывается в исследованиях, где рассматривается, как определенные экзогенные тенденции эволюционируют совместно с переменными, считающимися эндогенными.

Недостаток внимания скрытым переменным и факторам может быть компенсирован исследованиями связей между экономическими тенденциями и социальными процессами. Для того чтобы провести комплексный анализ с установлением причинно-следственных связей, необходимо исключить из анализа географию или климат. Стабильный климат не может объяснить, почему Китай из развитой страны превратился в отстающую. География не может

объяснить, почему страны ислама проводят политику строго в соответствии с законами своей религии более тысячи лет, однако требуют радикальных правовых реформ, направленных на развитие торговли.

Если анализ, целью которого является выяснение траектории развития цивилизации, будет учитывать ограниченное количество социальных факторов, то выводы из него неизбежно подвергнутся сомнению. Однако это не повод впадать в отчаяние, ведь степень несовершенства анализа может быть разной. Если человек не в состоянии покорить Эверест, это не значит, что он не в состоянии покорить менее высокую гору. Если определить интеллектуальный прогресс как расширение того, что уже доступно и понятно, а не как решение всех мыслимых и немыслимых головоломок, то не будет необходимости опускать важные исторические вопросы. К тому же, чтобы продвинуться как можно дальше, мы должны задуматься о правильной методологии. В частности, нам необходимо определить наиболее эффективный способ изучения факторов, определяющих тенденции экономического развития.

Я предложу пять основных шагов в качестве руководства для исследователей. Здесь не будет ничего нового для многих компетентных ученых (экономистов, историков, социологов, политологов и др.), которые всегда выполняют нижеприведенные действия, зачастую интуитивно. Предполагается, что эти действия, с одной стороны, расширят сообщество ученых, разрабатывающих новые идеи, а с другой — заглушат «ропот» по поводу отсутствия теоретических и эмпирических доказательств.

Существует ряд исследований, посвященных методам интерпретации траектории развития цивилизации. Работы Грейфа (2006), Норта (2005), Аоки (2001), Платто (2000) и Лала (1998) являются наиболее поздними научными вкладами, которые предлагают актуальные и весьма ценные методологические указания через смесь абстракций и практических знаний. Экономика всегда рассматривается как система, элементы которой связаны между собой двусторонней связью и развиваются одновременно. Также можно многое почерпнуть из работ по методологии изучения социальных механизмов, например, из трудов Эльстера (1989), а также Хедстрема и Зведберга (1998).

Социальный механизм, как правило, является чем-то большим, чем причинно-следственная связь между набором переменных. Он может включать в себя эффект обратной связи, который формирует систему. Однако социальный механизм – нечто меньшее, чем «социальный закон», так как он работает лишь в определенном месте и в определенное время. Таким образом, очевидно, что системный подход является наиболее эффективным при исследовании цивилизаций⁸³. Есть и другие ценные соображения по поводу методологии. Тем не

⁸³ Однако существует ряд заблуждений на этот счет, встречающихся в исторических публикациях довольно известных и влиятельных авторов (например, Фишер (1971)).

менее вышеуказанные источники предлагают своеобразный трамплин для исследователей цивилизационного развития.

Второй шаг – признать, что фундаментальные труды в области истории цивилизаций уже написаны. Тем исследователям, которые изучают, почему Индия превратилась в отсталое государство, или почему в конце XX в. Африка выглядит самым экономически непривлекательным континентом, не нужно начинать работу с нуля. Классификация и сравнение существующих точек зрения по этим вопросам помогут увидеть новые тенденции, взаимосвязи и механизмы, а также предостерегут исследователя от повторов. Этот шаг может показаться вполне очевидным, ведь любой исследователь так или иначе начинает свою работу с изучения того, что уже сделано в конкретной сфере до него. Стоит отметить, что необходимость последовательного, поэтапного проведения исследования является первостепенной.

7. Выделение соответствующих механизмов

Следующий шаг уже подразумевает под собой проведение анализа. Его цель заключается в исключении переменных со значительным разбросом значений, которые, однако, не оказывают существенного влияния на результат. Чтобы продемонстрировать это, предположим, что мы хотим объяснить траекторию развития коммерческой общественной организации. Перечень потенциально значимых переменных огромен. Среди них права собственности, семейная структура, военная организация, средняя продолжительность жизни, стиль архитектуры, наследование опыта и коммуникационные технологии.

Некоторые из них могут быть быстро исключены с помощью вышеуказанного метода. Архитектурные стили серьезно различались по регионам, однако организационные формы были абсолютно идентичны. Сравнение средневековой Венеции и Генуи или Туниса и Алеппо ставит все на свои места. В XIV в. строительные материалы и обычаи различались в каждой паре городов, однако при этом не было принципиальных различий между формами коммерческих организаций. К тому же некоторые переменные могут быть легко определены как тесно связанные, исходя из опыта предыдущих работ. В Европе средний размер партнерства сократился во время эпидемии чумы, восстанавливаясь после того, как она пошла на спад (Хант и Мюррей, 1999, с. 154–155). Мы можем сделать вывод о том, что средняя продолжительность жизни коммерческих партнеров повлияла на выбор формы организации. Другой яркий пример – торговые договоры, которые регулировали торговлю между Европой и Ближним Востоком. В них содержались положения о наследовании прав. Видимо, купцы знали, что коммерческая рентабельность напрямую зависит от передачи накопленного опыта. Это говорит о том,

что они могли бы приспособить организацию к правилам наследования в тех регионах, где вели свой бизнес.

Теперь предположим, что мы выбрали для анализа несколько факторов, которые могли бы повлиять на выбор формы организации. Четвертый шаг исследовательского процесса заключается в выявлении ключевых социальных механизмов, связывающих выбранные факторы. Данные не говорят сами за себя, поэтому задачу невозможно выполнить индуктивно, попросту воспроизведя исторические записи. Модели должны быть использованы для классификации информации, ранжирования факторов по значимости, определения взаимосвязи переменных, т.е. для того, чтобы разобраться в исторических данных. Большинство ученых применяют модель, не останавливаясь отдельно на вопросе методологии. Другие делают это сознательно и акцентируют внимание на собственных предположениях, выводах и аналитических принципах. Однако строгость методологии имеет ряд преимуществ. Облегчение понимания и возможность проверки несоответствий позволяют исследователям, изучающим другие регионы, аспекты или временные периоды, проверить всеобщность установленных связей.

В той или иной степени всеобщность является объектом всех социальных исследований. Если мы пытаемся понять, почему население некоторых городов сокращается, общий вывод («рост преступности вызывает эмиграцию») является более показательным, чем множество объяснений для каждого случая эмиграции («Джим эмигрировал после того, как его дом был ограблен», «Лейла уехала из-за того, что бездомные слонялись возле ее магазина и распугивали покупателей» и т.д.). Чем больше наблюдаемых единиц, тем шире должно быть обобщение. На основе цивилизационного исследования выявляются социальные механизмы, действующие долгое время для большой группы населения. Это и является целью исследования. Если выявленная взаимосвязь между наследуемым опытом и формой организации наблюдается в большом числе регионов и на протяжении нескольких веков подряд, то такая взаимосвязь может рассматриваться как основной атрибут цивилизации.

Как только механизм признан атрибутом цивилизации, ученый переходит к пятому, и последнему шагу исследования: определить, связан ли атрибут с экономической деятельностью. Мог ли тот же механизм работать в другой цивилизации, находящейся выше или ниже по развитию? Один и тот же механизм может работать по-разному и давать разные результаты⁸⁴. Механизм, который связывает режимы наследования с организационным развитием, объясняет, почему один режим способствует организационным инновациям, а другой препятствует им. Если механизм действительно работает в нескольких цивилизациях, но дает различные результаты, то логично предположить, что он является одним из факторов диверген-

⁸⁴ Сравните это со взаимодействием спроса и предложения, которые регулируют цену. Если значимые параметры различаются, результирующие цены тоже будут разными.

ции экономических систем. И наоборот, если оказывается, что механизм не работал в некоторых местах, мы можем заключить, что необходимо задаться вопросом о том, какие еще факторы могли повлиять на межрегиональную дивергенцию.

Имеющиеся данные могут помочь определить только то, что в различных цивилизациях работали разные механизмы. Дальнейшие исследования могут выявить несколько механизмов, которые работают только в определенных обстоятельствах, или суб-механизмов. По вышеуказанным причинам, никогда не удастся подобрать набор механизмов, объясняющий все исторические факты. В то же время расширение группы существующих механизмов продвигает исследования вперед.

Стоит еще раз подчеркнуть, что известные ученые делают эти пять шагов регулярно, однако часто не формулируя четко своих методов анализа. Эти шаги согласуются с философией научного прогресса, изложенной Лакатосом (1977). Наше понимание углубится, говорит Лакатос, когда теории, объясняющие *n* наблюдений, уступят место теориям, объясняющим все *n* и еще множество наблюдений. Целью исследования, таким образом, является интегрирование насколько можно большего числа фактов. Если механизм *M2* объясняет все, что делает механизм *M1*, а также некоторые модели, которые не может объяснить *M1*, то *M2* предпочтительнее⁸⁵. Процесс выбора механизма опирается, конечно, на сравнительные предпочтения.

Процесс исключения переменных обязательно должен быть последовательным. Подобно тому, как выделенные механизмы стимулируют и руководят эмпирическими исследованиями, так и новые эмпирические данные подтверждают открытие новых механизмов или модификаций уже открытых значимых механизмов, а возможно, и вовсе отказ от последних (Гриф, 2006, особенно гл. 11). Исторические данные, подтверждающие теоретический прогресс, могут быть найдены где угодно. Тот факт, что биограф Абу Такийя не нашел личного архива своего прославленного персонажа, дает понимание механизмов, из-за которых экономическое положение Ближнего Востока оставляет желать лучшего. Видимо, в начале XVII в. регион был в лучшем случае в начале перехода от личного обмена к персонифицированному, т.е. от торговли между людьми, способными применить лишь общественные санкции по отношению к мошенникам, к торговле с иностранцами, которые могут обеспечить исполнение контрактов через специализированные учреждения сторонних органов. Стоит отметить, что в Европе в это же время большинство купцов прекратило ведение архивов. С учетом этой истории Ближнего Востока могли бы задаться вопросом, почему их собственные источники со-

⁸⁵ Один набор явлений может полностью соответствовать объясняющему механизму, а другой – нет. В этом случае не следует сразу же отвергать механизм. Это обычная ситуация в области социальных наук, и именно поэтому мы видим так много бесплодных дебатов.

держат намного меньше документации⁸⁶. В свою очередь, исследователи Ближнего Востока и Европы могли бы передавать данные историкам Японии, Китая и Индии.

Обычно можно выделить несколько механизмов, которые могли бы быть значимы в той или иной ситуации. Если рассмотреть Ближний Восток в XIX в., то можно увидеть, что он отставал не только в организационном, но и в технологическом, военном и политическом плане. Помимо отставания в области корпоративного права, в инженерных училищах преподавались глобально устаревшие технологии. Поэтому ближневосточные предприниматели столкнулись с множеством препятствий. Могут ли подобные данные быть ранжированы с точки зрения их вклада в отсталость региона или их устойчивости?

Физические методы производства могут быть заимствованы относительно легко. Машины массового производства могут быть поставлены из индустриальных стран наряду с техникой, оснащенной необходимыми ноу-хау. Перенос организационной системы для эксплуатации машин должен занять больше времени. Эффективный фондовый рынок требует сложной правовой системы, различных специалистов, а также учебных заведений по подготовке соответствующих профессионалов. Он также требует существования норм, которые облегчают обезличенный обмен путем расширения доверия, другими словами, доверия, выходящего за рамки родственных связей, этнической принадлежности, религии или региона (Платто, 2000, гл. 7; Фукуяма, 1995; Гриф, 2006, гл. 9). Согласно этой логике, отсутствие организованных рынков капитала становится более серьезным препятствием для экономического прогресса, чем задержки в механизации. Хотя регион страдал от технологической и организационной отсталости, последняя была относительно более заметной.

Однако существует причина, по которой первостепенное значение нужно отдать институциональным преобразованиям. Аналитический приоритет не следует путать с абсолютным приоритетом, который является презумпцией, дискредитированной как ошибка, укрепляющая строгие формы материализма или культурализма. Чтобы дать аналитический приоритет одной из причин отсталости, необходимо убедиться в том, что она представляет собой социальную проблему, а не однонаправленную связь между проблемами. Организационные и технологические возможности Ближнего Востока эволюционируют одновременно, при этом оказывая

⁸⁶ Известные Генизские документы преимущественно XI–XIII вв., названные так потому, что были найдены в кладовке, или «Генизе», Каирской синагоги, представляют собой основное исключение, подтверждающее правило. Гениза служила хранилищем выброшенных рукописей. Судебные архивы, завещания, партнерские соглашения, деловая корреспонденция, найденные там, не были предназначены для формирования личного архива. Они собирались иудеями вместе, так как, по их мнению, все ненужные писания, содержащие имя Бога, должны лежать в специальном месте (Гойтейн, 1999, с. 9–13). Поскольку эти документы утратили свою актуальность, не ожидалось, что они когда-то понадобятся вновь. Соответственно, до их открытия в наше время никто не потрудился классифицировать их. Еврейские купцы, которые фигурируют в этих документах, не вели дел в соответствии с исламским или иудейским договорным правом. Ничто не способствовало формированию прочных предпочтений.

влияние друг на друга. С одной стороны, задержки в разработке технологий массового производства сокращали стимулы к формированию организаций, распоряжающихся большими запасами капитала. С другой стороны, организационная стагнация искажала стимулы к технологическим инновациям, так как многие передовые технологии могут быть использованы только в сложных организациях. По вышеуказанным причинам этот порочный круг легче было бы разорвать с помощью заимствований технологий, чем с помощью организационных изменений. В то время как машины могут быть импортированы в течение нескольких недель, задача преодоления организационной инерции может решаться десятилетиями.

Вышеприведенная логика не опирается на априорное различие между базисом и надстройкой. Система, состоящая из взаимосвязанных механизмов, может быть нарушена путем любого вмешательства. Если некоторые мероприятия являются менее эффективными или работают медленнее, чем другие, то это потому, что они подразумевают большее число вариантов развития событий.

8. Цивилизация как единица анализа и живые организмы

Последнее замечание можно перефразировать в терминах институциональной комплементарности: чем более значима взаимодополняемость, тем труднее вмешательство. Два института дополняют друг друга, если один повышает полезность другого⁸⁷. Стандарты бухгалтерского учета и корпоративное право в этом смысле дополняют друг друга. Учет соглашений является жизненно важным для повседневной деятельности корпорации, а наличие корпоративного права повышает ценность этих соглашений.

При наличии взаимодополняемости успешные реформы будут включать в себя группы институциональных изменений. Рассмотрим две цивилизации: 1 и 2. В первой все институты $A1, B1, \dots, F1$ дополняют друг друга. $A1$ представляет собой совокупность организационных форм, $B1$ – систему учета соглашений, $C1$ – судебную систему, $D1$ – набор учебных заведений по подготовке судей, $E1$ – банковскую систему, а $F1$ – общее доверие (это не только доверие к семье и знакомым)⁸⁸. Все эти институты имеют четкие соответствия во второй цивилизации: $A2, B2, \dots, F2$. В цивилизации 2 набор организаций $A2$ более ограничен, чем в цивилизации 1. Более того, недоверие к иностранцам побуждает индивидов к обмену преимущественно с известными им людьми или с друзьями ($F2$). Пусть, например, на протяжении долгого времени вторая цивилизация отставала от первой, и становится очевидно, что замена $A2$ на $A1$ и $C2$ на $C1$ будет стимулировать процесс сближения. Две реформы проводятся так, что вторая цивилизация теперь имеет институты $A1, B2, C1, D2, E2$ и $F2$. Однако введенные институты не вы-

⁸⁷ Более полное определение см. у Грейфа (2006, с. 197, 207–208) и Аоки (2001, с. 85–90, 225–228).

⁸⁸ Каждый элемент является институтом в том смысле, что имеет собственные правила регулирования.

ровняют мгновенно экономическую ситуацию, так как их дополнения, которые играют жизненно важную роль в цивилизации 1, отсутствуют в цивилизации 2.

Всегда, когда государства добавляют экономическую модернизацию в список своих целей, этот сценарий разыгрывается вновь и вновь. Хватает примеров XIX в. В 1850-х гг. Турция и Египет начали проведение реформ в целях повышения конкурентоспособности своих купцов и финансистов на мировой арене. Каждая страна приняла французский торговый кодекс и установила новые светские коммерческие суды, так как в исламские суды было довольно проблематично обращаться. Потребовались многие десятилетия, чтобы введенные институты приобрели популярность и прижились. Одна из причин заключается в проблеме увеличения числа учебных заведений, другая – в неопытности людей, назначенных на новые должности. Еще одна причина состоит в том, что инвесторы, привыкшие к личному обмену, не сразу привыкают к организационным формам, подразумевающим разделение собственности и контроля; необходимость общего доверия все возрастала⁸⁹.

В предыдущем примере объекты были определены как «цивилизации». Почему же не регионы или государства? Что достигается с помощью использования концепции разницы географического или политического положения? Великобритания и Новая Зеландия разделяют много основных институтов, и эта схожесть облегчает институциональный обмен между ними. Таким образом, правила дорожного движения, разработанные в одной стране, легко применимы в другой. Однако сравнительно труднее переносить модель британских институтов в Египет, который между тем находится намного ближе, чем Новая Зеландия. Когда в Каире были установлены светофоры, первоначально они были проигнорированы населением. В качестве другого примера можно привести британских менеджеров, которые чувствуют себя более привычно в Новой Зеландии, чем в Египте, если речь идет об отношениях с коллегами, клиентами и правительством. Они считают, что коммерческие нормы Каира сильно отличаются от тех, к которым они привыкли. Если Англии снова пришлось бы править Египтом, как это было в период 1822–1922 гг., институциональная разница не исчезла бы, по крайней мере не исчезла бы быстро.

Концепция цивилизаций полезна именно потому, что включает в себя институциональную общность вне зависимости от политических границ и географических расстояний. Можно сказать, что два региона, две страны или два сообщества принадлежат отдельным цивилизаци-

⁸⁹ Подробнее о проблемах адаптации, возникших в данном контексте, см.: Топрак (1995), а также Блэк и Браун (ред., 1992, гл. 5, 12). По стандартам наиболее развитых стран, общее доверие на Ближнем Востоке остается низким. Единственной преимущественно мусульманской страной, включенной в мировой обзор World Values Survey за 1990–1993 гг., была Турция, и здесь наблюдался самый низкий уровень доверия среди 43 стран, попавших в выборку, за исключением Бразилии (Инглхарт и соавт., 1998, табл. V94). В более поздних опросах процент людей, которые не хотели бы иметь в качестве соседей иностранцев, снова возрастает в большинстве мусульманских стран. Это еще один показатель низкого общего доверия. О последнем показателе см.: Инглхарт и соавт. (2007, табл. 11.1).

ям, если их основные институты различаются настолько, что внедрение зарубежных институтов является более проблематичным, чем реформирование внутренних. В аналитических целях Великобритания и Новая Зеландия могут рассматриваться как единая цивилизация, так как эти страны имеют аналогичные базовые институты.

Границы между цивилизациями, естественно, размыты. Действительно, присвоение социальных общностей к цивилизациям является предметом более важным, чем неточность определения того, какое государство контролирует Буэнос-Айрес или где заканчивается Аргентина и начинается Бразилия. Кроме того, государства, регионы и народы могут перемещаться между цивилизациями. Цивилизации не присущи постоянные характеристики, что проиллюстрировано строками Ридьярда Киплинга (1895): «Ах, Восток есть Восток, и Запад есть Запад, и встретиться им не суждено». Хотя это понятие обычно употребляется по отношению к якобы неизменным культурным особенностям, взаимодополняемость среди них не является невозможной. Понятие «Запад» раньше использовалось как сокращение от понятия «Западный христианский мир», которое исключало восточных христиан. С расширением Европейского сообщества оно стало подразумевать и восточных христиан тоже.

Именно потому, что институты изменчивы, различия между цивилизациями не должны быть фиксированы. Хотя дорожное движение Каира по-прежнему оставляет желать лучшего, население в настоящее время подчиняется светофорам с большей готовностью, чем это было лишь четверть века назад. Институциональные несоответствия, возникшие в середине XIX в. в результате коммерческих реформ в Египте и Турции, стимулировали дальнейшие реформы, которые в конечном итоге помогли преодолеть давние препятствия для формирования крупных и сложных организаций. Современные юридические и бухгалтерские школы начали подготовку новых кадров, чиновники знакомы с современной бухгалтерией. Между тем появление местного банковского сектора поддерживает рост предприятий посредством упрощения заимствования и объединения капиталов. Сегодня каждая страна может похвастаться частными фирмами с десятками тысяч сотрудников, а также активами, оцениваемыми в миллиарды долларов, что являлось бы немыслимым при старых исламских порядках.

Ранее я предположил, что физические технологии легче изменить, чем институты. Теперь я могу добавить, что различия в степени взаимодополняемости делают одни институты более гибкими, чем другие. Данные по Ближнему Востоку показывают, что введение новых стандартов бухгалтерского учета заняло меньше времени, чем повышение общего доверия. Круг лиц, которым мы доверяем, зависит от семейных норм, образования, воспитания, т.е. от всего, что глубоко проникло в повседневную жизнь и что определяет наше поведение. По этой причине мы даже не можем определить все существующие комплементарности, не говоря уже об изменении соответствующего набора признаков. Концепция цивилизации в целом ассоции-

руется с подобным медленным укоренением институтов (наиболее устойчивых к изменениям, наименее понятных и наиболее тяжелых для сравнения и оценки). Не все медленно внедряемые институты влияют на экономические показатели прямо и существенно. Основными чертами цивилизации являются религиозные ритуалы и убеждения, в которых не так много экономического содержания, и некоторые из них обладают высокой устойчивостью к изменениям.

Основными здесь являются два тезиса. Во-первых, экономические институты различаются по степени изменяемости. Во-вторых, институты, относительно устойчивые к изменению, обычно содержат в себе черты, которые рассматриваются как часть культуры. Этот факт опровергает материалистический тезис Джонса (2003, 2006), согласно которому религии и другие культурные особенности могут привести к замедлению экономического развития, но не остановить экономическую деятельность надолго. Не существует оснований полагать, что любая культурная особенность не способна меняться. Механизмы могут быть разными, и некоторые из них поддерживают социальное равновесие. Оба факта указывают на сложности, которые мягкий материализм, как и крайние варианты материализма, игнорирует. В число подобных сложностей входит и влияние вторичных факторов, которое наблюдается уже много веков. Оценка египетской торговли в XVII в., которую дает Ханна, игнорирует отсутствие стимулов к развитию организационных форм деятельности.

Различия в институциональной гибкости могут помочь объяснить второе значительное расхождение в экономических показателях, которое произошло в последнюю четверть тысячелетия: скачок уровня жизни, который вывел Японию, как и несколько других стран Восточной Азии, из числа экономически отсталых в число экономически развитых стран. В XIX в. все эти государства сильно отставали по уровню жизни, отчасти из-за медленного введения и адаптации рыночных институтов. Как и страны Южной Азии, Африки, Ближнего Востока, Восточной Европы и Латинской Америки, они подверглись институциональным реформам «сверху вниз», а предпринимателям пришлось переходить на зарубежные бизнес-методы и бизнес-инструменты. Причины того, что внедрение институтов в этих странах было более успешным, как показали стандарты жизни, могут быть в том, что экономические институты стран Восточной Азии более подходят для современной глобальной экономики. В мировом статистическом обзоре World Value Survey за 1990–1993 гг., процент респондентов, ответивших «большинству людей можно доверять», был значительно выше в Восточной Азии, чем в других слаборазвитых странах (Инглхарт и др., 1998, табл. V94; Инглхарт, 1997, с. 172–174). Для двух из трех выбранных стран Восточной Азии, Японии и Южной Кореи, эти данные могут отражать, в частности, эффект экономического богатства, а не его причину. Но в Китае, который в то время считался бедным даже по отношению к другим слаборазвитым странам,

процент таких респондентов составил примерно ту же величину, что и в передовых западных странах⁹⁰. Поскольку функционирование современной экономики зависит от личного доверия, причина головокружительного прогресса Китая может заключаться в исторических процессах, которые сделали его народ более доверчивым, чем в других отстающих странах.

Заключение

Понятие цивилизации, как мы уже убедились, имеет дело с системой взаимодополняющих социальных характерных черт. Комплементарности, как мы показали, охватывают взаимоотношения между элементами «материального» и «культурного» мира. Следует относиться скептически как к строгим материалистическим, так и к строгим культурологическим теориям долгосрочного экономического развития. Легко определить культурные черты, сформированные материальными стимулами, и столь же легко найти материальные ценности, порожденные культурными особенностями. Однако примеры однонаправленных причинно-следственных связей не могут приблизить нас к объяснению наблюдаемых изменений в экономических показателях цивилизаций. Механизмы, которые объясняют траектории экономического развития цивилизаций, связаны причинно-следственными отношениями, которые противоречат принятой системе деления на культурную и материальную жизнь общества.

«Умеренные» полярные подходы (умеренно материалистический или умеренно культурологический) пытаются внедрить систему разнонаправленных отношений, допуская исключения, но ключевая проблема оказалась более сложной, чем установление причинно-следственных связей. Не стоит полагать, что один набор переменных обязательно более значим для экономического развития, чем другой. Культурные различия, включая религиозные, могут иметь целый ряд последствий для институциональных основ обмена. К тому же различия «материальных» устоев общества, например, различия форм обмена, могут оказывать долгосрочное влияние на религиозную сферу жизни – толкование религиозных текстов и власть духовенства. Если факторы экономического роста учитывают материальные и религиозные характеристики цивилизации, то ни один фактор не может рассматриваться отдельно от другого.

Более фундаментальной проблемой радикальных подходов является то, что сами по себе характеристики развития общества могут не вписываться в рамки деления мира на культурную и материальную составляющие. Здесь можно привести следующий пример. Антропологи уже давно считают доверие (социальное, этническое, религиозное, профессиональное)

⁹⁰ В последние годы процент людей, не желающих иметь соседей-иностранцев, был наиболее низким в Китае по сравнению с большинством опрошенных мусульманских стран (Инглхарт и соавт., 2007). Это еще один показатель относительно высокого уровня доверия.

одной из значимых характеристик культуры. Их исследования социальной динамики часто изобилуют наблюдениями за проявлением доверия внутри и между подгруппами. Ученые приходили к выводу о том, что доверие необходимо, чтобы заставить рынки функционировать. Таким образом, оно является неотъемлемой частью экономической деятельности⁹¹.

Исходя из этого, многие видные экономисты считают, что от приватизационной и либерализационной программ не стоит ожидать одинаково хороших результатов во всех мировых экономиках. В странах, где уровень доверия низкий или не хватает иных предпосылок эффективного обмена, результаты этих программ могут разочаровывать. Экономисты также подвергают сомнению преимущества быстрой и масштабной либерализации. Только поэтапный подход может помочь избежать негативных результатов и политических волнений (Родрик, 2006). Аргументы в поддержку подобной критики и соответствующие рекомендации обычно основаны на специфике взаимодействий между переменными, которые культурологи трактуют как «элементы культуры».

Когда студенты исторических факультетов утверждают, что в некоторых регионах неперсонифицированный обмен едва ли становится институтом или что переход к общественной кооперации происходит сравнительно менее успешно, они также стирают границы между культурными и материальными показателями. Факторы, на которые они ссылаются, чтобы объяснить наблюдаемые механизмы, включают в себя экономические институты, основы которых лежат в религии или традиции. В системном подходе эти факторы рассматриваются в процессе их развития наряду с другими социальными переменными, в том числе с культурными и материальными категориями. Этот факт уменьшает аналитическую полезность данных категорий.

Последнее утверждение подтверждает необходимость междисциплинарного сотрудничества и дает почву для дальнейшего исследования цивилизационных моделей. Если ключевые факторы развития цивилизации не могут принадлежать к чисто экономической, социологической, политической, религиозной или культурной сфере, они не могут быть отнесены к какой-либо одной научной дисциплине. Хотя некоторые исследования, проведенные в рамках установленных дисциплин, продолжают предоставлять полезную информацию для цивилизационных исследований, все же прогресс в решении некоторых вопросов требует междисциплинарного подхода. Необходимо помнить, что этот подход должен быть основан на системном мышлении, принимающем во внимание институциональную комплементарность.

⁹¹ Дополнительные примеры признаков, которые принадлежат как материальной, так и культурной жизни, можно найти у Рао и Уолтона (ред., 2004).

Благодарность

Предыдущая версия этой статьи была представлена 23–24 февраля 2007 г. на конференции «Экономические показатели развития цивилизации», организованной Институтом экономических исследований цивилизаций USC. Благодарю за финансовую поддержку Институт Metanexus и Фонд Темплтона. Благодарю за полезную информацию участников конференции, особенно Наоми Ламоро. Спасибо за ценные замечания неизвестному критику. Анандип Сингх оказал огромную помощь в исследовании.

Список литературы

Adelman, I., Morris, C.T., 1973. *Economic Growth and Social Equity in Developing Countries*. — Stanford University Press, Stanford.

Aoki, M., 2001. *Toward a Comparative Institutional Analysis*. MIT Press, Cambridge, MA.

Black, C.E., Brown, L.C. (Eds.), 1992. *Modernization in the Middle East: The Ottoman Empire and Its Afro-Asian Successors*. — Darwin Press, Princeton.

Bose, S. (Ed.), 1991. *South Asia and World Capitalism*. — Oxford University Press, New York.

Bryant, J.M., 2006. The West and the rest revisited: debating capitalist origins, European colonialism, and the advent of modernity. — *Canadian Journal of Sociology* 31, 403–444.

Cooter, R., Schaefer, H.-B., 2008. *Solomon's Knot: How Law Can End the Poverty of Nations*. Unpublished book manuscript, University of California at Berkeley.

Elster, J., 1985. *Making Sense of Marx*. — Cambridge University Press, Cambridge.

Elster, J., 1989. *Nuts and Bolts for the Social Sciences*. — Cambridge University Press, Cambridge.

Fischer, D.H., 1971. *Historians' Fallacies: Toward a Logic of Historical Thought*. — Routledge & Kegan Paul, London.

Frank, A.G., 1998. *ReOrient: Global Economy in the Asian Age*. — University of California Press, Berkeley.

Fukuyama, F., 1995. *Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity*. — Free Press, New York.

Gelderblom, O., Jonker, J., 2004. Completing a financial revolution: the finance of the Dutch East India trade and the rise of the Amsterdam capital market, 1595–1612. — *Journal of Economic History* 64, 641–672.

Gigerenzer, G., Selten, R. (Eds.), 1999. *Bounded Rationality: The Adaptive Toolbox*. — MIT Press, Cambridge, MA.

Goitein, S.D., 1999. *A Mediterranean Society: An Abridgment in One Volume*. Lassner, J. (Rev. and ed.). Berkeley: University of California Press.

Goldstone, J., 2002. Efflorescences and economic growth in world history. — *Journal of World History* 13, 323–389.

Greif, A., 2006. *Institutions and the Path to the Modern Economy: Lessons from Medieval Trade*. — Cambridge University Press, New York.

Hanna, N., 1998. *Making Big Money in 1600: The Life and Times of Isma'il Abu Taqiyya, Egyptian Merchant*. — Syracuse University Press, Syracuse.

Hansmann, H., Kraakman, R., Squire, R., 2006. Law and the rise of the firm. — *Harvard Law Review* 119, 1335–1403.

Harris, R., 2005. The formation of the East India Company as a cooperation-enhancing institution. Unpublished paper, Tel Aviv University.

Hayek, F.A., 1973/1979. *Law Legislation and Liberty*, vol. 3. — University of Chicago Press, Chicago.

Hazlitt, H., 1946. *Economics in One Lesson*, 4th ed. — Harper, New York.

Hedström, P., Swedberg, R. (Eds.), 1998. *Social Mechanisms: An Analytical Approach to Social Theory*. Cambridge University Press, Cambridge.

Hirschman, A.O., 1991. *The Rhetoric of Reaction: Perversity, Futility, Jeopardy*. — Harvard University Press, Cambridge, MA.

Hunt, E.S., Murray, J.M., 1999. *A History of Business in Medieval Europe 1200–1550*. — Cambridge University Press, Cambridge.

Huntington, S.P., 1993. The clash of civilizations? — *Foreign Affairs* 72, 22–49.

Huntington, S.P., 1996. *The Clash of Civilizations and the Remaking of the World Order*. — Simon and Schuster, New York.

Inglehart, R., 1997. *Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies*. — Princeton University Press, Princeton.

Inglehart, R., Basanez, M., Moreno, A., 1998. *Human Values and Beliefs: A Cross-Cultural Sourcebook*. — University of Michigan Press, Ann Arbor.

Inglehart, R., Moaddel, M., Tessler, M., 2007. Xenophobia and in-group solidarity in Iraq: a natural experiment on the impact of insecurity. In: Moaddel, M. (Ed.), *Values and Perceptions of the Islamic and Middle Eastern Publics*. — Palgrave Macmillan, New York, p. 298–319.

Inkeles, A., 1975. Becoming modern: individual change in six developing countries. *Ethos* 3, 323–342.

Jones, E.L., 2003. *Growth Recurring: Economic Change in World History*, expanded edition. — University of Michigan Press, Ann Arbor.

Jones, E.L., 2006. *Cultures Merging: A Historical and Economic Critique of Culture*. — Princeton University Press, Princeton.

Khan, S.A., 1929. The Mohammedan laws against usury and how they are evaded. — *Journal of Comparative Legislation and International Law* 11, 233–244.

Kuran, T., 2001. The provision of public goods under Islamic law: origins, impact, and limitations of the waqf system. — *Law and Society Review* 35, 841–897.

Kuran, T., 2003. The Islamic commercial crisis: institutional roots of economic underdevelopment in the Middle East. — *Journal of Economic History* 63, 414–446.

Kuran, T., 2005. The logic of financial westernization in the Middle East. — *Journal of Economic Behavior and Organization* 56, 593–615.

Lakatos, I., 1977. *The Methodology of Scientific Research Programmes: Philosophical Papers*, Vol. 1. — Cambridge University Press, Cambridge.

Lal, D., 1998. *Unintended Consequences: The Impact of Factor Endowments, Culture, and Politics on Long-Run Economic Performance*. — MIT Press, Cambridge, MA.

Lamoreaux, N.R., 2004. Partnerships, corporations, and the limits on contractual freedom in U.S. history: An essay in economics, law and culture. In: Lipartito, K., Sicilia, D.B. (Eds.), *Constructing Corporate America: History, Politics, Culture*. — Oxford University Press, Oxford, p. 29–65.

Landes, D.S., 1998. *The Wealth and Poverty of Nations: Why Some Countries Are So Rich and Others So Poor*. W.W. Norton, New York.

Lerner, D., 1958. *The Passing of Traditional Society: Modernizing the Middle East*. — Free Press, Glencoe, IL.

Merton, R.K., 1936. The unanticipated consequences of purposive social action. — *American Sociological Review* 1, 894–904.

North, D.C., 2005. *Understanding the Process of Economic Change*. — Princeton University Press, Princeton.

Platteau, J.-P., 2000. *Institutions, Social Norms and Economic Development*. — Harwood, Amsterdam.

Pomeranz, K., 2000. *The Great Divergence: China, Europe and the Making of the Modern Economy*. Princeton University Press, Princeton.

Rahman, F., 1964. Riba and interest. — *Islamic Studies* 3, 1–43.

Rao, V., Walton, M., 2004. *Culture and Public Action*. — Stanford University Press, Stanford.

Rodinson, M., 1966/1972. *Islam and Capitalism*. — Pantheon, New York, Pearce B. (Transl.).

Rodrik, D., 2006. Goodbye Washington consensus, hello Washington confusion? A review of the World Bank's *Economic Growth in the 1990s: Learning from a Decade of Reform*. — *Journal of Economic Literature* 44, 973–987.

Siddiqi, M.N., 1973. *Banking Without Interest*. — Islamic Publications, Lahore.

Simon, H.A., 1957. *Models of Man*. — Wiley, New York.

Smith, A., 1776/1937. *The Wealth of Nations*. — Modern Library, New York.

Toprak, Z., 1995. *Milli İktisat – Milli Burjuvazi*. — Tarih Vakfi, Istanbul.

Weber, M., 1904–1905/1958a. *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*. — Charles Scribner's, New York, Parsons T. (Transl.).

Weber, M., 1916–1917/1958b. *The Religion of India: The Sociology of Hinduism and Buddhism*, Gerth, H.H., Martindale, D. (Transl. and Eds.). — New York: Free Press.

Weber, M., 1956/1978. In: Roth, G., Wittich, C. (Eds.), *Economy and Society*, vol. 2. — University of California Press, Berkeley.

Wood, A.C., 1935. *A History of the Levant Company*. — Oxford University Press, London.